

ГОРОД ЧУДЕС

ПРИНЦЕССА ЛИНДАГУЛЬ

И ДРУГИЕ СКАЗКИ

Город чудес

Сельма Лагерлёф

**Принцесса Линдагуль
и другие сказки**

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.113-34-93
ББК 84(4Сканд)

Лагерлёф С.

Принцесса Линдагуль и другие сказки / С. Лагерлёф —
«Азбука-Аттикус», — (Город чудес)

ISBN 978-5-389-12004-4

Людмила Юльевна Брауде – одна из самых известных и заслуженных в нашей стране переводчиц, которая познакомила миллионы российских детей с миром скандинавской литературной сказки. Благодаря ей заговорили на русском языке многочисленные герои Астрид Линдгрен, Сельмы Лагерлеф, Ханса Кристиана Андерсена, Сакариаса Топелиуса, Туве Янссон. Будучи литературоведом по образованию, она была не просто переводчицей сказок скандинавских писателей, а серьезным исследователем их творчества. Кому как не ей было получить почетный диплом Премии имени Х. К. Андерсена. Премия имени Ханса Кристиана Андерсена – самая престижная премия в области детской литературы. Она учреждена в 1956 году Международным советом по детской книге ЮНЕСКО и вручается раз в два года 2 апреля – в день рождения Андерсена. В 1967 году эта дата была объявлена Международным днем детской книги. Премию, состоящую из почетного диплома и золотой медали с профилем знаменитого сказочника, на торжественной церемонии вручает сама королева Дании.

УДК 821.113-34-93
ББК 84(4Сканд)

ISBN 978-5-389-12004-4

© Лагерлёф С.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Анна Валенберг	7
Подарок тролля	8
Кожаный мешок	13
Яльмар Бергман	23
До чего ж люди трусливы!	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Принцесса Линдагуль и другие сказки

© Брауде Л. Ю., наследники, перевод на русский язык, 2013

© Якушина Ю. А., иллюстрации, 2013

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Machaon®

* * *

Анна Валенберг

Подарок тролля

Жили-были бедный торпарь¹ с женой, и ничего-то у них на свете не было, кроме пятилетнего мальчика по имени Улле, маленькой хижины, козы Жемчужинки да ещё козла Цветика.

День-деньской торпари на подённой работе трудились; вот и огородили они выгон, где козы могли сами пастись – травку щипать. Сынку Улле оставляли они каравай хлеба с молоком, запирали его в хижине, а ключ под крыльцо клали.

Однажды вечером воротились они домой, а Жемчужинки и Цветика – как не бывало. Люди же, которые по просёлочной дороге мимо проходили, рассказали, будто видели, как злой старый тролль с Высоких гор уводил их с собой.

То-то было горя да слёз! Жить торпарю с семьёй стало куда хуже прежнего, вместо козьего молока Улле наливали в его кружку одну воду. А хуже всего было то, что, кто его знает, вдруг страшный тролль вернётся назад, сунет Улле в мешок да и унесёт с собой в гору.

Торпарь с женой каждый день предупреждали Улле, чтобы он не глядел в окошко, не ровён час старый тролль пройдёт мимо и Улле ему приглянется. А коли уж так случится, что тролль и вправду явится и постучит в дверь, то Улле, учили они, должен крикнуть: «Папа, папа!» – чтобы тролль подумал, будто торпарь дома. Тогда старый тролль испугается и убежит восвояси.

А чтобы Улле узнал тролля, родители описали его как можно точнее. И уродлив-то он до ужаса. Вместо бровей у тролля-де кусты растут, рот – до ушей, нос – толстый, словно репа, а вместо левой руки у него волчья лапа.

Ясное дело, Улле поостережётся и будет защищаться, заверил он родителей. Ведь он смастерил себе настоящее оружие для защиты. Он вбил гвоздь в полено – и получилось копьё. Фаянсовой миской Улле наточил старый перочинный нож – и получился меч.

– Берегись теперь, старый тролль! А не то худо будет! Достанется тебе на орехи.

Однажды, когда Улле чистил своё оружие, он услышал, как кто-то копошится за дверью. Улле выглянул в окошко и увидел какого-то малого с мешком на спине. Тот стоял на коленях и шарил рукой под крыльцом. Это был сам тролль, который явился за Улле и теперь искал

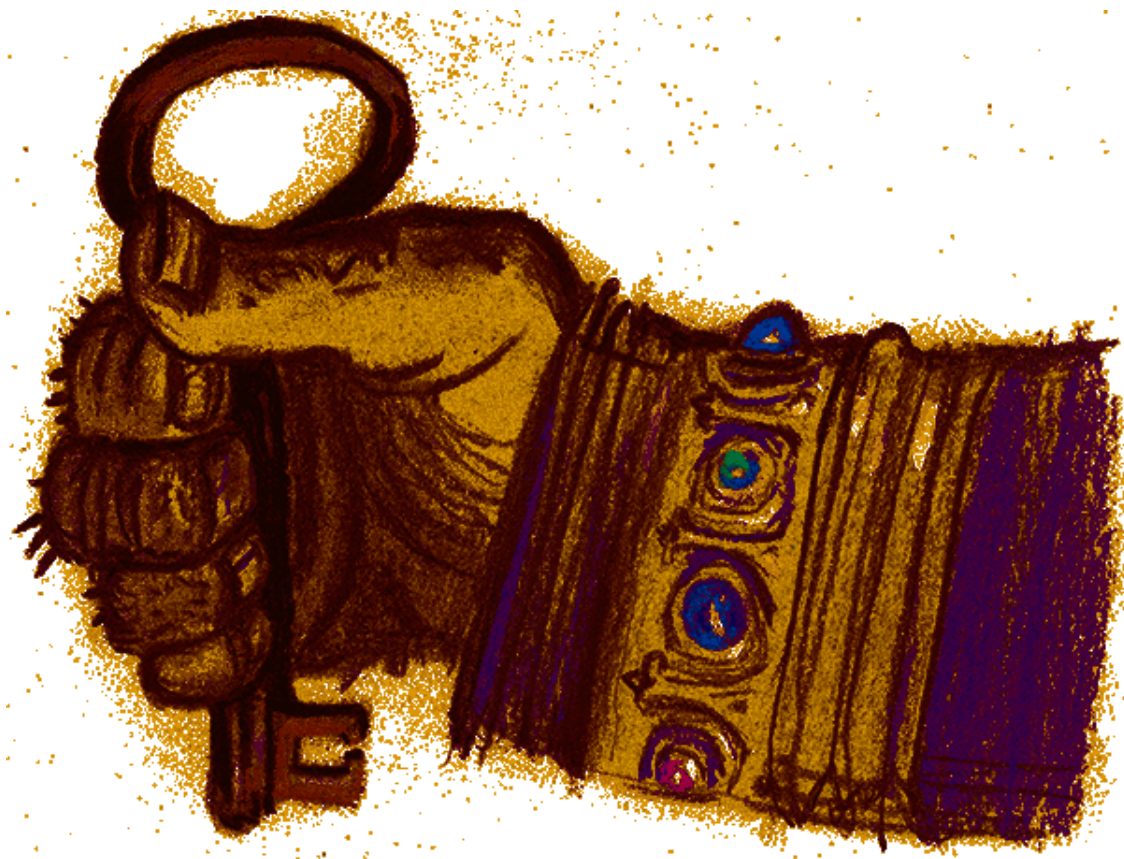
¹ Безземельный крестьянин, арендующий землю.

ключ, чтобы войти в хижину, но Улле не признал старика; вовсе не так описали тролля его родители.

– Эй, что ты ищешь? – спросил Улле.

– О, я потерял монетку, и она закатилась под крыльцо. Не выйдешь ли ты ко мне и не поможешь ли мне её отыскать?

– Нет, – ответил Улле. – Отец с матушкой заперли меня, чтоб я не угодил в лапы злого старого тролля.

Троль исподлобья взглянул на Улле. Любопытно, понял ли малыш, кто он такой.

– Но я-то ведь не похож на старого тролля? – спросил он, желая испытать мальчика.

– Да нет, тебя-то я не боюсь, – решил Улле. – А вообще-то я и старого тролля нисколько не боюсь. Пусть только явится, получит от меня! Есть у меня тут и копьё, и меч, ты не думай! Глянь-ка!

Старый тролль посмотрел в окошко и стал уверять, что он ничего не видит. Тут-то он и спросил у Улле, не лежит ли ключ в таком месте, где он может взять его, чтобы войти в дом и получше разглядеть меч и копьё.

– Ясное дело, лежит, – заверил его Улле. – Ключ лежит под сломанной нижней ступенькой справа.

И в самом деле ключ был там. Старый тролль тотчас отворил дверь и вошёл в хижину.

По правде говоря, Улле обрадовался гостю. Сидеть в одиночестве ему порядком надоело, он оживился и с гордостью стал показывать старому троллю, как остро он наточил нож и какое чудесное копьё можно смастерить из гвоздя и полена. Вот было бы хорошо, если бы явился старый тролль! Досталось бы ему за то, что он украл их коз!

– Пойдём со мной в лес, – сказал старый тролль, – прогуляемся, тогда, может, и коз своих найдёшь. Я примерно знаю, где тролль прячет скотину.

Улле показалось, что старик дело говорит. Как было бы здорово, если бы удалось выкрасть Жемчужинку и Цветика!

– Пойдём же, пойдём! – уговаривал мальчика старый тролль.

– Ну ладно! – согласился Улле.

Завтрак он решил взять с собой, потому что путь к троллевым пастбищам предстоял не ближний. Разломил тут Улле каравай хлеба и рассовал ломти по карманам. Но один ломоть, как гостеприимный хозяин, предложил троллю. Хозяин ведь должен всегда делиться тем, даже немногим, что у него есть.

Однако же тролль наотрез отказался от угощения:

– Нет!

Откуда же Улле было знать, что у троллей есть одна такая маленькая особенность: они никогда не делают зла тому, от кого получили какой-нибудь подарок.

Тогда Улле съел свой завтрак один и, перед тем как пуститься в путь, протянул руку старому троллю, чтобы тот вёл его куда надо. Но тролль оттолкнул Улле со словами:

– Держись за мою правую руку – левая у меня болит.

И показал мальчику, что левая рука у него обмотана большим шейным платком.

– Ой! Ой! Бедняга! – пожалел его Улле. – Дай-ка я подую на твою больную руку, и она скоро поправится.

Но старый тролль не захотел этого. Он думал только о том, как бы им поскорее уйти, пока никто их не увидел. Дело, верно, пошло бы быстрее, сунь он мальчонку в мешок. Но раз тот сам идёт с ним по доброй воле, он по крайней мере хоть часть дороги обойдётся без тяжёлой ноши.

И вот пустились они в путь – старый тролль, а за руку рядом с ним Улле со своим копьём и мечом под мышкой, чтобы быть наготове, если им встретится злой старый тролль.

Вскоре Улле устал и сел на камень – поесть. Он уже проголодался.

Покосился на него старый тролль: не пора ли мальчонку в мешок сунуть?! Как бы там ни было, а тролль немало досадовал на то, что Улле нисколько его не боится. Разве это дело! Куда легче было бы сунуть мальчонку в мешок, если б он орал и брыкался, как другие дети. И тогда тролль надумал напугать Улле.

– Слышь-ка, Улле, – сказал он, – подумай, а что, если я всё-таки старый тролль и есть?

– Да?! – произнёс Улле и поглядел на старика. – Нет, тролль вовсе на тебя не похож. Вместо бровей у него кусты растут, а у тебя таких бровей нет. Рот у него – до ушей, а у тебя такого нет. Вместо левой руки у него волчья лапа, а у тебя тоже такой нет. Меня не проведёшь.

– А на кого похож я? – спросил старый тролль.

– Сдаётся, на самого обыкновенного человека, – решил Улле.

Старому троллю стало так смешно от этих слов, что он громко расхохотался. И в тот же миг Улле исхитрился кинуть ломтик хлеба ему прямо в глотку.

– Это тебе за то, что ты добрый, а ещё за то, что никакой ты не старый тролль, – сказал мальчик.

– О-хо-хо, о-хо-хо! – закашлялся старый тролль и попытался выплюнуть хлеб. Но ему это не удалось. А лишь только тролль проглотил ломтик хлеба, он уже не мог смотреть на Улле прежними глазами.

Вот так чудо! Теперь, получив от мальчика ломтик хлеба, он не желал ему больше дурного – наоборот.

– Вон что, стало быть, по-твоему, я смахиваю на человека, – сказал он. – Никто мне никогда ничего подобного не говорил. Но коли я смахиваю на человека, то я, верно, и вести себя должен по-человечески. Вот послушай-ка!

Тролль вынул небольшую дудочку из кармана и сыграл какую-то песенку. И тут Улле показалось, будто слышится ему, как козы блеют.

Тролль снова заиграл на дудочке.

Улле опять прислушался и услышал вдруг топот множества козьих копыт, одни легко, другие тяжело топтали лесной хворост и мох.

Старый тролль заиграл в третий раз.

Тут что-то светлое замелькало меж деревьев, и в ту же минуту к Улле бросились Цветик и Жемчужинка, батушкины с матушкой козы. Они сразу признали хозяйского сынка и давай его тормошить, давай его бодать. Сомнения нет, это были они, их украденные козы, целы и невредимы. Улле не помнил себя от счастья; он кричал от восторга и прыгал на одной ножке.

Но что это? Следом за Цветиком и Жемчужинкой появилась чуть ли не сотня маленьких козлят, нежных и хорошеньких, словно белые комочки мягкой пушистой шерсти.

– Откуда они? – спросил Улле, глядя на старого тролля.

– Видишь, сколько рождается козлят, когда их родители, как Цветик и Жемчужинка, пасутся у старого тролля с Высоких гор, – ответил тролль и потрепал Улле по волосам. – Однако же пора в путь, надо тебе успеть домой раньше отца с матушкой.

И не успел Улле вымолвить слова, как тролль, кивнув ему головой, поспешно исчез среди деревьев; тролли терпеть не могут, когда их благодарят. Подивился было сперва Улле, куда девался этот старичок, но тут же и думать забыл о нём и вместе со всем стадом отправился домой.

Только кто бы им ни встретился на пути, все останавливались и диву давались при виде маленького мальчика с двумя козами и огромным стадом козлят. Немало людей пошли следом за Улле до самого его дома, а когда он впустил своё стадо на выгон, изгородь со всех сторон облепили зеваки.

А тут отец с матушкой вернулись. Увидели они своего сынка посреди огромного стада коз, да так тут же и сели. Рассказал им Улле свою историю, а они только руками всплеснули да заохали.

Кто бы это мог быть? Ну, который играл на дудочке и позвал коз? Похоже на троллевы проделки, на волшебство, но не может быть, чтобы старый тролль выказал вдруг такую доброту?!

– Нет, это не он, – сказал Улле. – Хоть брови у него и густые, но они вовсе не похожи на кусты. И хоть рот у него большой, но всё же не до ушей. И никакой волчьей лапы на левой руке у него нет. Она только обмотана шейным платком, потому что рука у него болит.

– Ой! Ой! – закричали торпарь, его жена и все люди, что столпились вокруг козьего выгона. – Стало быть, это был всё же старый тролль; это он как раз и перевязывает свою волчью лапу, чтоб его не узнали, когда он рыщет по округе.

Улле без конца оглядывался по сторонам. И всё не мог понять, как это получилось: не вязался подарок тролля с тем, что о нём рассказывали, об этом старике.

– Ну, стало быть, и старые тролли могут быть добры, да, и они тоже, – наконец сказал Улле.

И никто из тех, кто видел коз с козлятами, перечить ему не стал. Однако ни один человек на свете прежде в это не поверил бы.

Кожаный мешок

На камне в глухом бору сидел Никлас, а рядом с ним стояла корзина, полная древесной коры. Он собрал её, чтобы жена добавила её к скудному запасу спорой² ржаной муки, которую ему выплатили за подённую работу в господской усадьбе.

А иначе этой муки не хватило бы на все голодные рты в его лачуге! Однако же Никлас так устал и был в таком отчаянии, что не мог идти дальше, прежде чем немного не передохнёт. И вот он сидел, думая о том, когда же придёт конец великой нужде, что обрушилась и на него самого, и на его соседей. Засуха сожгла почти все посевы и всю траву, а в ту страну, где свирепствует засуха, всегда приходят следом голод и нужда. Тысячи людей и целые стада скотины умерли или пали с голоду, да и кто знает, скольким суждено пережить грядущую голодную зиму.

Вдруг он услышал скрежет лопаты, который бывает, когда она наталкивается на мелкие камешки. Сквозь кусты, возле которых он сидел, Никлас увидел старого тролля, вскапывающего землю под высокой сосной.

Троль работал не разгибая спины, пыхтел, но дело у него спорилось. Вскоре он, отбросив лопату, вытащил большой кожаный мешок и развязал его.

В тот же миг рядом с троллем на краю ямы слегка приподнялся большой камень и показалась голова старой троллихи.

– Послушай-ка, муженёк, – сказала она, – ты не забыл, что тебе надо посеять шесть зёрнышек пшеницы вместо четырёх? Муки-то мне для пирушки побольше надо!

– Хорошо, что напомнила об этом, – ответил, почесав голову, старик, – но я и сам бы не забыл.

Старая троллиха исчезла, закрыв лаз вместо творила камнем. А Никлас подивился: какой же добрый урожай можно получить из шести зёрнышек пшеницы!

Однако старый троль отсчитал шесть пшеничных зёрнышек из кожаного мешка, завязал его и снова спрятал. Потом посадил по одному зёрнышку в каждом углу поля, а два – посередине да и уселся в траву с таким видом, словно чего-то ждал.

Никлас тоже стал ждать вместе с ним: очень уж хотелось поглядеть, что из всего этого получится. И вскоре на его глазах случилось настоящее чудо. Там, где были посажены зёрнышки, проклюнулись зелёные стрелочки и тут же полезли из земли всё новые и новые росточки. Они тянулись ввысь, покрывались колосьями, и внезапно перед Никласом раскинулось и заколыхалось целое пшеничное поле. Колосья набухали, желтели и стали под конец такими тяжёлыми, что свисали до самой земли.

² Мука со спорыньей, ядовитым грибком-паразитом.

Тогда старый тролль топнул оземь ногой, и из-за каменных глыб и земляных куч выползла целая орава маленьких троллят. Они вырывали пшеницу с корнем, отряхивая тяжёлые колосистые снопы в огромные мешки, которые притащили с собой. И посыпались из колосьев спелые, золотистые зёрна. Когда мешки наполнились доверху, троллята взвалили их себе на спины и исчезли вместе со старым троллем. Исчезли словно дым среди кочек и горных расселин.

– Вот это урожай так урожай! – сказал самому себе Никлас и отправился в поле – поглядеть, не достанутся ли ему какие-нибудь брошенные колоски.

Но троллята, верно, поработали на славу – в поле не осталось ни одного зёрнышка. Землю устилала одна лишь сухая, смятая солома.

«Пойду-ка я лучше к той сосне да возьму мешочек. Такой урожай мне по душе пришёлся», – подумал Никлас.

Но, освободив корни сосны от мха и земли, Никлас не обнаружил ни малейших следов мешка, и, сколько он ни разрывал землю руками и острым камнем, ему так ничего и не удалось найти. А время шло, близился полдень. Пора было идти на подёнщину. В конце концов Никлас взял корзинку и отправился с ней домой. А поиски клада решил отложить до следующего дня. Утром, едва рассвело, он снова отправился в лес, взяв с собой лопату.

Но когда он подошёл к тому месту, где вчера было поле, оно уже исчезло, а хуже всего то, что он не мог узнать сосну, под которой лежал кожаный мешок. Никлас стал в надежде копать то под одной, то под другой сосной, но всё напрасно. Он так упрямо копал, что не замечал времени и опоздал на подёнщину. Староста отругал его и урезал долю ржаной муки, которая причиталась ему в уплату за труды. Но это его ничуть не остановило. На другой день он уже снова был в лесу, снова опоздал на подёнщину и снова у него урезали долю муки. Жена плакала, ругала его, что он слоняется по округе, словно бродяга с просёлочной дороги, и сетовала, что Никлас заставляет её и детей голодать. Ни словом не выдал Никлас, чем он занимается, потому что знал: тот, кто ищет клад, если хочет найти его, не должен об этом говорить.

Однажды утром, когда он, как обычно, рыл землю, увидел его случайно какой-то старый торпарь и давай над ним насмехаться.

– Так, так, любезный мой Никлас, ты хочешь найти клад, – уязвил его старик. – Однако днём тебе это не удастся. Человеческим рукам никогда, кроме как ночью, не добратся до троллевых сокровищ.

– Ах так, – сказал Никлас и бросил лопату, потому как знал, что старый торпарь сведущ во всех тайных, скрытых от людей делах. – Тогда попытаю-ка я счастья ночью.

Но старик только засмеялся в ответ.

– Невелика от этого польза. Невелика польза, – повторил он. – Если кто и найдёт клад, он не сможет вытащить его наверх, прежде чем взойдёт солнце. За это же время тролли так запугают, что не захочешь и клада, а выпустишь сокровище из рук или же вымолвишь какое ни на есть словечко, а сокровище – раз! – и исчезло. И оглянуться не успеешь! Тролли-то знают немало волшебных заклятий. Они нашьют на того, кто ищет клад, шипящих змей и прожорливых волков, так что хоть бы ноги унести. Ищи, любезный Никлас, ищи клад, коли тебе это по душе. Только, боюсь, ничего тебе не найти.

С этими словами заковылял старый торпарь дальше, рассказывая всем и каждому, кто только хотел его слушать, о том, что Никлас ищет клад в лесу.

Вся округа смеялась над Никласом. А жена его лила слёзы и бранила мужа за все его глупости. И он и вправду перестал ходить в лес по утрам. Однако же вместо этого стал ходить туда по ночам, когда все другие спали. Поутру же возвращался он такой сонный и усталый, что не в силах был справлять подённую работу и получал муки ещё меньше прежнего. В лачугу его пришла настоящая нужда, да и сам он голодал, отощал, кожа да кости стал.

И всё-таки продолжал искать клад, потому что найди Никлас клад – и он стал бы счастьем и спасением не только для самого Никласа, жены и детей, но и для всей страны.

Однажды ночью, только Никлас подошёл к камню, на котором в первый раз сидел, подсматривая за старым троллем, взошёл месяц. И тут вдруг будто пелена спала с глаз бедняка, он тотчас узнал сосну, под которой старый тролль спрятал кожаный мешок.

Несколько ударов лопатой – убраны слой земли и камни, и вот уже виднеется что-то круглое, толстое и гладкое!

Мешок! Ведь это кожаный мешок!

Никлас отчётливо видел его при свете месяца. И, дрожа от радости, начал окапывать мешок, чтобы легче было приподнять его. Потом он нагнулся, обхватил обеими руками мешок, приподнял его и стал тащить. Но не тут-то было, мешок прочно сидел в земле.

Казалось, будто кто-то крепко-крепко держит его снизу.

Никлас изо всех сил тянул мешок, дёргал его и рвал. Но всё напрасно. У того, кто ему противился, была такая хватка, словно вместо пальцев у него железные клещи.

«Ладно, – подумал Никлас, встав на колени возле ямы, – видно, ничего больше не остаётся, как простоять здесь до самого раннего утра. Только бы не напали на меня чудовища».

Вглядываясь в кустарник, он прислушивался к малейшему шороху. Вскоре он и вправду услышал какой-то хруст и треск, и из кустов прямо на него выскочил страшный, мерзкий волк с разинутой пастью.

Никлас не на шутку испугался, он подумал: не всё ли равно умереть в пасти зверя или же медленной голодной смертью зимой. А раз так, то троллям, если они прячутся за деревьями и смотрят на него, не видать его страха.

И Никлас, не отрывая острых глаз от чудовища, ещё крепче обхватил руками мешок.

Волк страшно скалил зубы и всё шире разевал пасть, готовый вот-вот проглотить человека. Но внезапно он застыл на месте, словно наткнулся на острый взгляд Никласа, взгляд, подобный направленному на него оружию. И волк, повизгивая, пополз назад, а под конец исчез в зарослях кустарника.

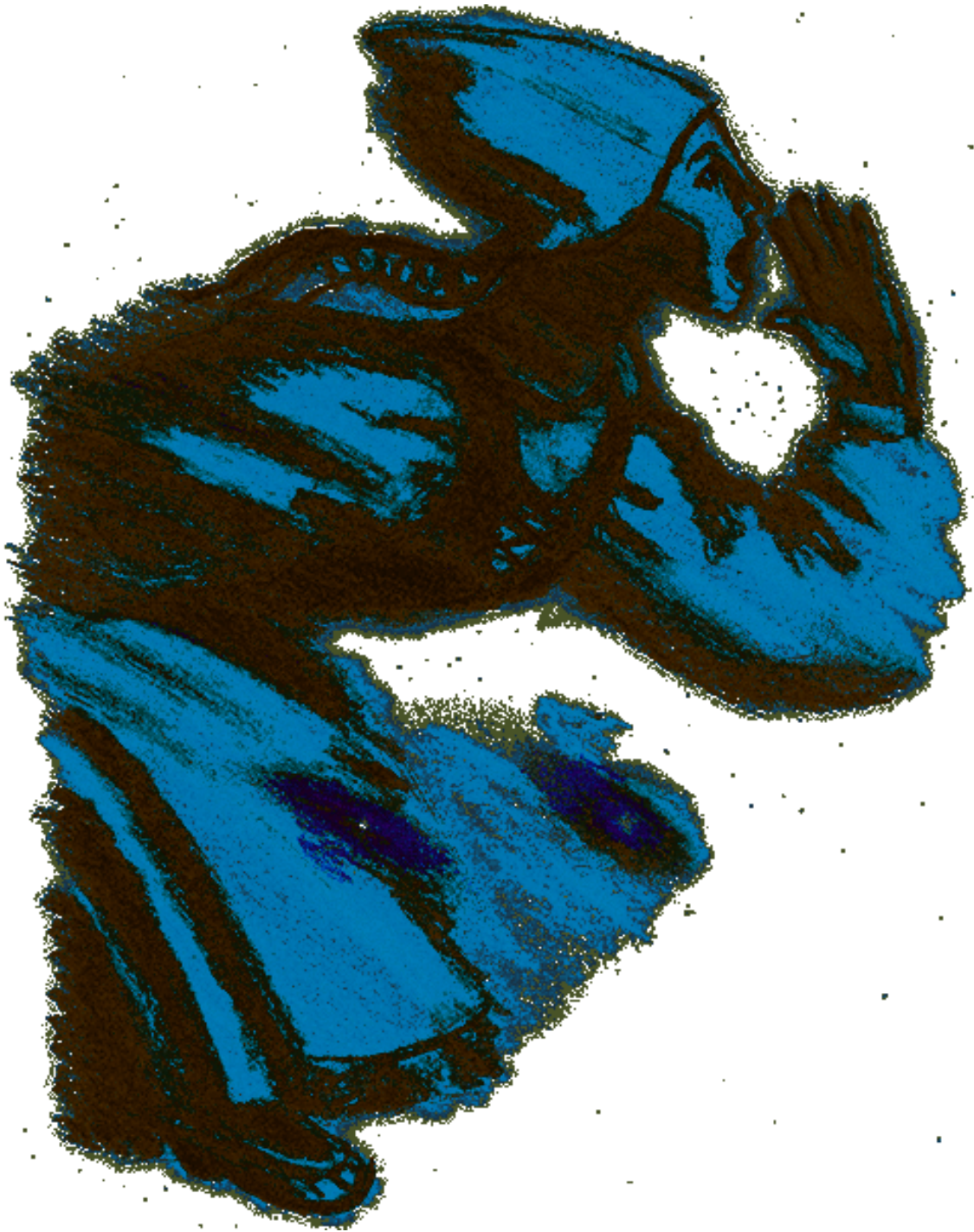
Однако же вскоре послышалось шипение, и на ветвях дерева, прямо над головой, Никлас увидел извивающееся змеиное туловище, а беспощадные сверкающие глаза на плоской голове неотрывно разглядывали его. Никлас содрогнулся от ужаса, но и тут не выпустил мешок из рук; пристально и бесстрашно смотрел он в сверкающие глаза чудовища. И глаза

змеи медленно угасали под его взглядом, а потом потухли, и Никлас не увидел больше ни глаз змей, ни её туловища.

«Слава богу, – подумал Никлас, – теперь-то я знаю, как одолевать чудовищ, если кто-нибудь явится».

Но никто больше не появился. Зато вскоре Никлас услышал далеко-далеко какой-то человеческий голос. Казалось, кто-то кричит. И вскоре он ясно расслышал, что зовут его и что это голос его соседки.

– Никлас, Никлас! – кричала она. – Иди домой! Твоя жена умирает!

Никлас задрожал так, что чуть не выпустил мешок из рук. Его дорогая жена умирает, и он, быть может, никогда больше её не увидит! Но, если он выпустит мешок из рук и побежит домой, его дети, пожалуй, тоже умрут с голоду. Зато, если он удержит мешок, и его дети, и десятки других людей смогут жить счастливо.

И Никлас держал мешок, хотя сердце в груди разрывалось от горя.

Но тут до него снова донёсся крик:

– Ау, отец! Ау! Ау!

Это старший сын Никласа кричал так, что эхо разносилось в лесу далеко вокруг.

А следом раздался третий голос, голос маленькой дочери Никласа – Гудрун:

– Батюшка, батюшка, где ты? Где ты, милый батюшка?

«Только бы они меня не нашли, – думал он. – Хоть бы месяц закатился, чтобы они меня не увидели».

Но месяцу нужно было ещё долго плыть по небу, прежде чем он снова добрался бы до лесных верхушек. Всё отчётливей и отчётливей слышались голоса, и тут Никлас увидел, как все трое звавших его мелькают между деревьями. Он как можно плотнее прижался к земле. Но у мальчика был соколиный взгляд, и он тотчас обнаружил отца.

– Вот он, вот он! – закричал сын.

И в тот же миг все трое – соседка, сын и дочь – уже стояли возле Никласа, рассказывая ему, как бедная умирающая лежит на смертном одре, тоскуя по мужу.

Но он не отвечал и только неотрывно смотрел на них.

– Только бы нам раздобыть матушке какой-нибудь сытной еды, может, она и оправилась бы, – говорил мальчик. – Если ты дашь мне кафтан, батюшка, я бы мог пойти к лавочнику и продать его.

Как ни хотелось Никласу отдать сыну свой кафтан, он всё равно не мог бы этого сделать, потому что тогда ему пришлось бы выпустить из рук кожаный мешок. И он холодно покачал головой.

– Никласу его кафтан дороже жизни жены! – воскликнула соседка. – Всякому видно, что ему нет дела ни до жены, ни до детей. И не стыдно ему здесь прохлаждаться, когда в лачуге его полным-полно бед. А что это он держит в руках? Сдаётся мне, что это большущий камень!

Мальчик с девочкой тоже наклонились, чтобы взглянуть.

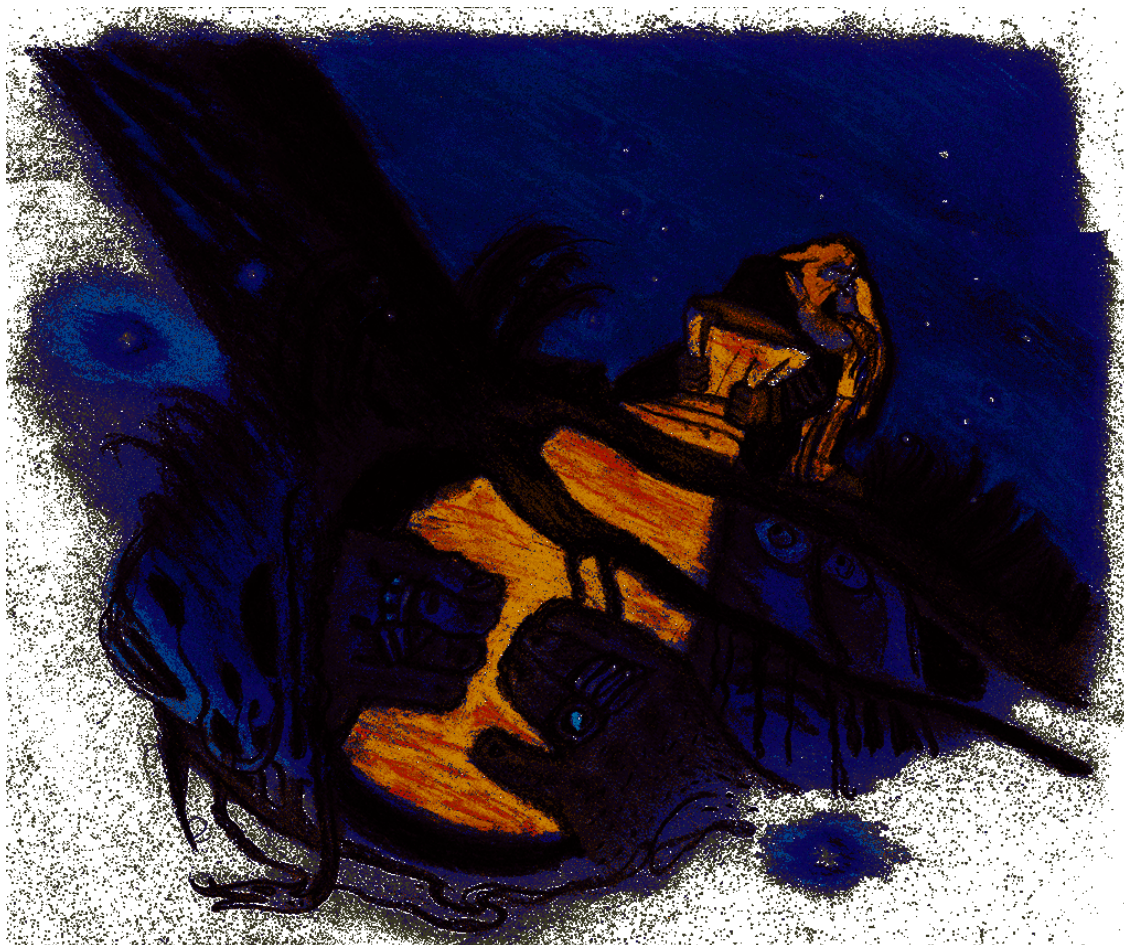
– Да это всего-навсего большая гранитная глыба! – сказал мальчик.

– Господи боже, он совсем ума решился! – вскрикнула соседка. – И хоть бы слово вымолвил! Тролли наверняка околдовали его! Надо спасти Никласа.

И она попыталась было оторвать его руки от кожаного мешка. И тут он так дико взглянул на неё, словно собирался укусить, и соседка вместе с Гудрун испуганно отпрянули назад.

– Придётся привести людей, чтобы освободить его от троллей, хочет он того или нет, – сказала соседка. – Пойдёмте, дети, да побыстрее.

И с этими словами она исчезла в кустах вместе с детьми.

Никлас так испугался, что крупные капли пота градом покатались по его лбу. Неужто теперь, когда он так близок к тому, чтобы овладеть сокровищем, они явятся и выхватят мешок у него из рук?

Спустя некоторое время он услышал шорох в кустах и задрожал от ужаса при мысли о том, что, быть может, кто-то идёт, чтобы вырвать сокровище у него из рук. Но это была всего лишь Гудрун, которая вернулась обратно. При ясном свете месяца её маленькое личико сияло красотой и нежностью. Подойдя к отцу, она обвила руками его шею.

– Не бойся, милый батюшка! – сказала она. – Ты, ясное дело, думаешь, что нашёл клад. Но никто больше не придёт и не отнимет его у тебя. Скоро месяц зайдёт, и тогда трудно будет отыскать дорогу сюда. А я обману людей и уведу в другую сторону. Ты же тем временем лежи здесь, пока солнце не встанет и ты сам не увидишь, что держишь в руках всего лишь камень.

Ни на одну минутку не поверила она в то, что он нашёл клад, но всё равно хотела помочь отцу. И Никлас почувствовал себя таким счастливым оттого, что она беспокоилась о нём. И слёзы выступили у него на глазах, пока он молча лежал на земле, не спуская глаз с Гудрун. А она-то подумала, что отец горюет об умирающей матушке.

– Не печалься о матушке, милый отец, – сказала она. – Я пойду к лавочнику и продам мои длинные волосы, а он даст мне какой-нибудь сытной еды. – И, улыбнувшись ему, Гудрун исчезла в кустах.

И в тот же миг Никлас страшно испугался за неё. Каково там придётся ей одной в дремучем лесу? Удастся ли ей уйти от волка, который караулит в лесной чаще? И в самом деле через несколько минут он услышал вдруг крик. Ему показалось, будто Гудрун кричит:

– Батюшка, помоги!

В отчаянии выпустил он из одной руки мешок, который тут же стал тяжёлым, как свинец. И тотчас же под землёй послышался глухой смех.

«Тролли смеются надо мной, – подумал он. – Может, это вовсе и не Гудрун кричала, а всего лишь сова».

И он опять обеими руками вцепился в мешок. А крики повторялись снова и снова. И он не мог различить, кто это кричит – Гудрун или сова. Он то вскакивал, готовый бросить мешок, то вдвое крепче охватывал его руками. Пот ручьями стекал по его лицу, но он знал, что должен спасти жизнь стольких людей! И ещё крепче сжимал в руках мешок.

Под конец он освободил одну руку, а его другая рука сразу ощутила вдвойне тяжесть мешка, собрал с камней мох, заткнул им уши, а затем крепко закрыл глаза. Что бы ни случилось, он не хотел больше ничего видеть и слышать. А этой ночью было что видеть и слышать. И как он ни затыкал уши, невозможно было не услышать такого страшного шума. Казалось, целая кавалькада диких охотников промчалась мимо него. И как Никлас ни жмурил глаза, он видел такие яркие молнии, будто всё небо было объято пожаром.

Но он решил: будь что будет. Он не знал, сколько времени пролежал так, держа клад своими онемевшими пальцами, наконец ему показалось сквозь опущенные веки, что уже брезжит рассвет.

И в ту же минуту до него внезапно донеслось его собственное имя. Его выкрикивали попеременно с отчаяннейшими проклятиями.

– Повесить его, сжечь, посадить на кол! – кричали голоса.

Казалось, сотни ног ринулись прямо к нему.

«Теперь-то уж они меня нашли. Они думают, что это из-за меня жена умерла с голоду, и хотят, чтобы я поплатился за это. Настал мой последний час», – подумал Никлас. И когда он почувствовал, что люди совсем рядом, он открыл глаза.

К нему подходили все парни их округи с дубинками в руках. Вот они уже совсем близко. Вот замахиваются дубинками, чтобы размозжить ему голову, – но ни единого слова не вымолвил Никлас. Он только ждал, не выпуская мешка из рук.

Вдруг косой луч солнца прорезал лес. Он озарил лица парней, озарил он и кожаный мешок. И мешок в руках у Никласа сразу стал таким лёгким, что Никлас потерял равновесие и упал на спину.

Но всё-таки поднялся и удивлённо оглянулся вокруг. Куда девались все эти парни с угрожающе поднятыми кольями? И тени их не мелькнули перед глазами.

Неужто он недавно видел всё в таком страшном ложном свете?

Но он не стал задаваться вопросом, видел ли он всех их на самом деле или нет. Кожаный мешок-то уж во всяком случае был у него в руках. Гордый, словно король, взвалил он мешок на спину и зашагал домой. Но, когда он отворял двери в горницу, сердце затрепетало у него в груди; он подумал, что увидит жену мёртвой в кровати. А Гудрун?.. Может, все уже сидят и оплакивают её?

Но то, что он увидел, заставило его застыть в изумлении на пороге. Ведь у очага стояла его жена и варила молочный суп к завтраку. За ручной прялкой сидела Гудрун и прядла. А её длинные волосы сверкали, словно золото, в лучах солнца.

И тогда он понял: всё, что он видел в лесу, – только призрачные видения, с помощью которых тролли хотели заставить его выпустить сокровище из рук. Но это им не удалось.

И, бросив свою ношу на пол, он рассказал жене и детям, какое счастье и богатство заключено в этом кожаном мешке.

И они, не переставая удивляться, заплакали от радости.

Внезапно Гудрун заметила, какой необычный вид у отца: его голову словно обсыпало снегом.

– А что, батюшка, разве нынче шёл снег? – спросила девочка и потянулась к отцу, желая стряхнуть белые снежинки с его волос.

Но это был не снег. Просто волосы Никласа поседел за эту ночь, потому что никому не удаётся бесследно победить в битве с троллями.

Яльмар Бергман

До чего ж люди трусливы!

Анне-Лисе было уже целых семь лет, но её и близко не подпускали к отцовскому и материнскому садику. Видишь ли, неподалёку жил большой медведь, которого все боялись, даже мама, хотя она вообще-то была не из трусливых.

Есть на свете медведи добрые: едят только ягоды, орехи и мёд. Но этот медведь был не такой. Он задирали и коров, и овец, и коз, а мог задрать и человека, если тот, на свою беду, вдруг повстречается с ним. Может, он не всегда был такой жестокий, может, это люди сделали медведя злым, травя его копьями и ружьями, рогатинами и волчьими ямами. Кто его знает! Но правда лишь то, что из-за этого медведя Анна-Лиса вынуждена была как паинька сидеть дома. И потому, знай же, она была жутко зла на Мишку.

— А какое оно с виду, это страшилище? — спросила она маму.

— У медведя длинные острые зубы и косматая шерсть, а хвост и на хвост не похож — какой-то маленький огрызок вместо хвоста. У него четыре лапы, но иногда он ходит только на двух. Пасть у него красная, а сам он чёрный, каким бывает углежог, пока не смоет с себя сажу.

— Ух ты! — удивилась Анна-Лиса.

Она видела, каким приходит из лесу, где жгут в яме уголь, её отец: чёрный, страшный и совершенно неузнаваемый. Но стоило отцу, бывало, умыться, и он снова становился красивым и родным — лучшим другом мамы и Анны-Лисы.

И потому она спросила:

– Почему же тогда этот Мишка не моется?

– Да представь себе, он моется. Но это не помогает, от этого он красивее не становится.

И всё из-за того, что он злой.

«Ой, ой, – подумала Анна-Лиса, – хоть бы мне никогда не повстречаться с Мишкой».

И она стала расспрашивать маму, есть ли в лесу добрые звери.

– Ясное дело, есть, – ответила мама.

И стала рассказывать дочке о всех крошечных насекомых в лесу и о червяках, которых нельзя обижать, если хочешь быть добрым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.